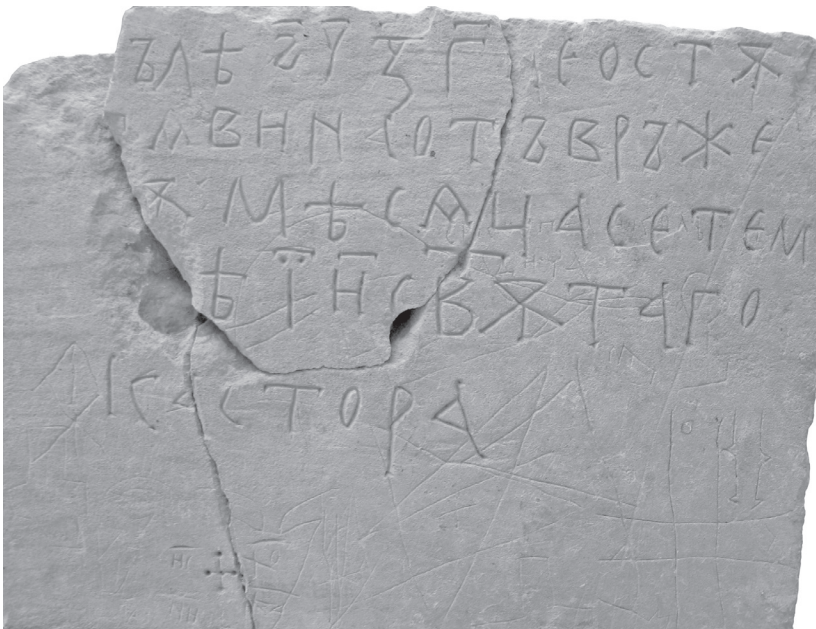

Алексей Алексеевич ГИППИУС

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт славяноведения РАН (Россия, Москва)
agippius@mail.ru

К прочтению надписи 954/955 г. из с. Черноглавцы

Кириллическая надпись с датой 18 сентября 6463 (954/955) г., найденная при раскопках раннесредневекового монастыря на окраине села Черноглавцы в Шуменской области на северо-востоке Болгарии и опубликованная Тодором Балабановым и Марией Тиховой¹, является древнейшим датированным славянским текстом, дошедшим до нас без существенных утрат (хронологически предшествующие ей надписи — 921 г. из с. Крепча, 931 г. из Преслава и 943 г. из с. Мирча вода (Румыния) — сохранились фрагментарно). Надпись, состоящая из пяти строк, прорезана крупными буквами на каменном блоке размером 22 × 25 × 25 см. В древности она находилась на видном месте при входе в экзонартекс монастырской базилики. Несмотря на отсутствие нескольких букв в началах строк, текст читается полностью. Приведем его по первой публикации [Балабанов, Тихова 2002: 63], обозначив утраты скобками (в квадратных скобках — буквы, сохранившиеся частично, в круглых — полностью утраченные):

Надпись 6463 (954/955) из с. Черноглавцы (Шумен, Болгария).

Фото К. Попконстантинова. Воспроизведено по [Попконстантинов 2019: 384].

¹ [Балабанов, Тихова 2002]. Обзор результатов раскопок см.: [Балабанов 1993].

[в]ъ лѣ ѣ ѣ ѣ ѣ [н]е остѣ
 [п]а вина отъврѣже
 (с)ѣ мѣсаца сетемъ
 (вр)ѣ тѣ свѣтаго
 кастора

Как отмечают публикаторы, вместо *б* в слове *сетем(бр)ѣ* могло стоять и *в* — *сетем(вр)ѣ*; в остальном буквенный состав надписи не вызывает сомнений.

Интерпретируя надпись, ее первооткрыватели трактовали *остѣла* как *part. praes. act. nom. sg. ms.* глагола *отъстѣлѣти* (с предположением утраты слабого редуцированного и последующего упрощения консонантного сочетания: *отъстѣла > остѣла*), а *отъврѣжесѣ* — как 3 *sg. praes.* от *отъврѣшитисѣ* с нулевым окончанием. Соответственно, для надписи был предложен следующий перевод: «В годината 6463 (954/955), понеже не се отказва (не се въздържа) от виното, отрича се (от него) на 18 септември, (денят) на Свети Кастор» [Балабанов, Тихова 2002: 63]².

Иную трактовку предложила А.-М. Тотоманова. Отметив, что совершенный вид глагола не позволяет видеть в *остѣла* форму действительного причастия настоящего времени, она интерпретировала эту словоформу как 1. *sg. praes.* *о(тъ)стѣлѣж*, записанную с пропуском *l-epentheticum* и заменой большого юса на малый — для последнего графика надписи, содержащей бесспорные случаи мены юсов (*отъврѣжесѣ*, *свѣтаго*) действительно дает основание [Попконстантинов, Тотоманова 2014: 159]³. Смысл надписи оказывается совсем другим: «През 6463 г. няма да отстъпя и той ще се откаже от виното на 18 септември на свети Кастор» [Там же: 159, прим. 65]⁴. К. Попконстантинов, приводя оба варианта перевода, сопровождает второй комментарием: «Вероятно анонимият автор на надписа е отправил тази закана, поради прекаляване с виното към някой от обитателите на имението или манастира» [Попконстантинов 2019: 384]⁵.

Обе трактовки трудно признать удовлетворительными. Расходясь в грамматической интерпретации двух глагольных словоформ (причастие vs личная форма, настоящее vs будущее время), они одинаково предполагают, что центральное действующее лицо — субъект отказа от вина — остается не названным. Это умолчание выглядит крайне странным в официальной записи об обете, с такой подробностью указавшей время его принесения. Все известные

² «В год 6463 (954/955), поскольку не отказывается (не воздерживается) от вина, отрекается (от него) 18 сентября, (в день) святого Кастора».

³ Впечатляющая в тексте середины X в., мена юсов обнаруживается и в других древнейших памятниках болгарской эпиграфики, что заставляет и в отдельных примерах, извлекаемых из рукописей старославянского канона, видеть не случайные ошибки, а отражение фонетического процесса, активно протекавшего уже в древнеболгарский период (см. [Попконстантинов, Тотоманова 2014: 112–114]).

⁴ «В 6463 г. я не отступлю, и он откажется от вина 18 сентября на святого Кастора».

⁵ «Вероятно, анонимный автор надписи направил это предостережение кому-то из обитателей поместья или монастыря из-за его злоупотребления вином».

нам древние славянские надписи, начинающиеся словами *въ лѣто*, содержат эксплицитно выраженное подлежащее⁶. Шаблон, по которому строятся такие надписи, включает также сказуемое в форме прошедшего времени, чаще всего — в аористе. Надпись 955 г., если читать ее так, как это делалось до сих пор, нарушает этот шаблон сразу в двух отношениях. Между тем в одном из них аномальность текста легко преодолевается. Хотя *отъврѣжесж* действительно может представлять собой презенс без *-тъ*, более тривиальной морфологической интерпретацией этой словоформы является трактовка ее как аориста 3-го л. Почему эта «дефолтная» интерпретация оказалась проигнорирована толкователями надписи, остается для нас неясным. Что же касается предполагаемой невыраженности субъекта, то за этим представлением стоит, очевидно, уверенность в том, что *не остѣла* может быть только формой глагола. Несомненно, если бы на этом месте читалось, скажем, имя *Петр*, надпись была бы переведена: 'В 6463-м году, 18 сентября, в день св. Кастора, Петр отказался от вина'.

Но не может ли *Неостѣла* быть именем человека, чей обет не употреблять вина зафиксировала надпись? Поставив вопрос таким образом, мы обнаруживаем, что основа **Neostop-* действительно представлена в фонде древних славянских личных имен. В вариантах *Neostup*, *Neosztup*, *Nosztup* и др. это имя хорошо засвидетельствовано чешскими источниками XII–XIV вв. [Friedrich I: 510; II: 501]⁷. От него происходит название города Неуступов (Neustupov) в центральной Богемии, которое Я. Гебауэр возводит к стяженному *Nůstupov* [Gebauer 1894: 153]. Тот же антропоним лежит в основе названия деревни *Noszlor* в венгерской Паннонии [Stanislav 1940: 357–358; там же указание чешских примеров]. Имя *Nieustęp* многократно встречается в средневековых польских источниках [SSNO 4: 58–59]. Его восточнославянское соответствие отразилось в русских фамилиях *Неуступов*, *Неуступин* (ср. также приводимое Далем *неуступа* 'неуступчивый человек')⁸.

Морфологически имя *Неостѣла* может быть интерпретировано двояко. Отправляясь от трактовки надписи Т. Балабановым и М. Тиховой, в нем можно увидеть субстантивированную форму краткого действительного причастия настоящего времени. Препятствие к трактовке *остѣла* как причастия, указанное А.-М. Тотомановой, преодолимо: презентные причастия от глаголов совершенного вида фиксируются, хотя и очень редко, уже в XI в. (*сѣвлача* Изб. 1076, л. 94 об. [Аванесов, Иванов 1982: 291]), а в не книжном имени собственном мы вправе ожидать опережающего отражения этой инновации. Возмож-

⁶ Если только его отсутствие не предполагается семантикой предиката, что имеет место в киевском граффито № 3 1051 г., где известие об ударе грома оформлено безличным *розъгрѣме*⁷ (<*розъгрѣмѣло*>) (ср. [Высоцкий 1966: 16–17; Німчук 1967: 88])

⁷ Из моравских названий *Vostopovice*, *Ostopovice* и их зафиксированных в источниках вариантов *Ostupowitz*, *Hostupowitz* восстанавливается также имя **Ostopъ* без отрицательной приставки [Cerny, Vaša 1907: 19].

⁸ В отличие от прозрачного *Неуступ*, вариант *Неоступ* (судя по чешским данным – более древний) этимологически неоднозначен и может восходить как к **otstopiti*, так и к **obstopiti*: в первом случае имя, данное ребенку, могло означать 'не отступающий от матери', во втором — 'неоступающийся'.

ность такой субстантивации имел в виду А. И. Соболевский [Соболевский 2004: 427], предполагая, что «существительные на *a* и *я* в роде *пройда*, *рева*, *пустомеля*, *розиня*, только с сравнительно-недавнего времени стали склоняться одинаково с *жена*, *земля* и что прежде они были не что иное, как прич. наст. вр. Срв. с *пройда* — древне-русск. прич. им. ед. муж. р. *ида*, чешск. *jda* (от *ити*), с *пустомеля* — ц.-слав. *мела*, русск. *меля* (от *млѣти*, *молоти*)». Специально отметим, что среди этих примеров есть и слова, тождественные причастиям глаголов совершенного вида — *пройда*, *розиня*⁹. Правда, А. И. Соболевский, высказывая свое предположение, находил возможным, что формы причастий на *-a* типа *ида*, *неса* имели в древности общеславянское распространение, что, как отмечает в комментарии В. Б. Крысько, последующими исследованиями не подтвердилось (ср. [Соболевский, II: 427, 625]). С другой стороны, если древнерусские формы на *-a*, *-я*, формально тождественные причастиям, субстантивируясь, автоматически переходили в *a*-склонение, то для древнеболгарской формы на *-а* — при допущении, что мы имеем дело уже с субстантивом — реконструировать модель словоизменения оказывается затруднительно.

Другая возможность, представляющаяся нам предпочтительной, состоит в том, что *Неостжпа* является основной среднего рода на *-ѣт*. Как неоднократно отмечалось, специальное значение названий детей и детенышей, закрепившееся за этими основами в истории славянских языков, является вторичным и возникло на базе первоначального уменьшительного значения [Бернштейн 1974: 199]. Этим обусловлена активность данного суффикса в образовании гипокористических форм личных имен. Предполагается, что к основам среднего рода на *-ѣт* восходят, с одной стороны, имена типа *Гостята*, *Горята* (см. [Азарх 1984: 13]), а с другой — большой массив современных уменьшительных форм типа русских *Петя*, *Коля*, *Ваня* и соответствующих южнославянских образований. Относительно русских форм тот же А. И. Соболевский писал, что они «первоначально были словами среднего рода, имели основу на *t* и склонялись как *тела*: род. *Ваняте*, дат. *Ваняти* и т. д. Подобные формы по памятникам нам почти неизвестны (ср. название села *Ослебятевское* в духовной Дмитрия Донского), но мы можем их восстановить на основании старосербских уменьшительных *Андре* (из *Андра*), *Яке* (из *Яка*), род. *Андрета*, *Якета* и т. д. (срв. великор. *Ванятка*) <...> То же можно сказать о старо-рус. (XVI–XVII вв.) *Иванча́* и т. п.; ср. ново-болг. *Иванчо*, где *o* восходит к *а*. Эти уменьшительные, с тех пор как их застаёт история, склоняются как основы на *a*» [Соболевский 2004: 184]. Это рассуждение, совершенно верное по существу, требует корректировки в деталях. Во-первых, приводя сербские формы по книге Дж. Даничича (на которую он прямо ссылается, цитируя тот же материал в другой работе [Соболевский 2006: 28]), Соболевский по

⁹ Последнее засвидетельствовано и в качестве прозвища (Корнилко Розинин, Смоленск, 1609 [Тупиков 1903: 782]). Из других отражений данной модели в антропонимике отметим украинскую фамилию *Легойда*, явно восходящую к *льгько ити* ‘идти налегке’ (см. в Повести временных лет: *Сльга же поимши малы дружисны, легько идуци, приде къ гробу его* [ЛЛ: 57, л. 16]). Таким же образом устроена фамилия *Кривошта* (< *криво чьта* ‘неправильно (с)читающий’).

ошибке принял за формы родительного падежа новые формы номинатива типа *Андрета*, *Якета*, которые, как указывает Даничић, появляются в сербских источниках с XIV в., заменяя первоначальные *Андре*, *Яке* [Даничић 1874: 12]. В генитиве же эти имена имеют вид *Андрете*, *Якете*, *Живете*, *Жорете* и т. д., то есть сохраняют исторические окончания консонантного склонения [Даничић 1874: 19]¹⁰. С другой стороны, данные болгарской диалектологии полностью подтверждают трактовку форм типа *Иванчо* как восходящих к древним формам на -а: как отмечает А.-М. Тотоманова [1997: 75], ссылаясь на [Стойков 1993: 156, 158], в некоторых западноболгарских диалектах имена *Гоше*, *Петре* и уменьшительные *Данчо*, *Станчо* и им подобные оканчиваются в реликтовых формах родительного и дательного падежа на -те, и -ти: *Гоше – Гошете*, *Данчо – Данчоте*¹¹. Таким образом, южнославянские языки дают надежные свидетельства существования древних уменьшительных форм личных имен, заканчивавшихся в номинативе на -е¹².

Ввиду этих данных имя *Неостжпа*, по всей вероятности, имевшее в родительном падеже вид *Неостжпате*, есть все основания трактовать как уменьшительное к *Неостжпъ*. Полная и гипокористическая формы этого имени морфологически соотносятся так же, как *внуокъ* и *внуоча*, *отрокъ* и *отроча*. Последняя пара особенно показательна, учитывая отглагольное происхождение слова *отрокъ* (из *ot-* и *reko, roko*). Типологическую параллель к обозначению отрока как ‘неговорящего’ представляет, как известно, лат. *infans* (морфологически — причастие к глаголу *for, fatus sum* ‘говорю’ с отрицанием). Точное славянское соответствие латинскому слову О. Н. Трубачев [1959: 47], видит в слав. **ne-tъlvje* (чеш. *nemluvně*, укр. *немовля* ‘младенец’ — из *ne* и *tъlviti*) этимологически трактуя последнее как причастие настоящего времени. Однако еще М. Фасмер [Vasmer 1935: 120] справедливо оспаривал такую интерпретацию, указывая, что причастие от *tъlviti* не содержало *j* и имело вид *tъlvje*. Сам Фасмер, ввиду этой сложности, трактовал славянское слово как уменьшительное от перфекта *tъlvilъ*. Более простое объяснение состоит в допущении метатезы *netъlvje > nemъlvje* — ср. императив *мовли* в берестяной

¹⁰ Впрочем, генитивы на -*eta* при номинативе на -*e* в южнославянском ареале также засвидетельствованы, но не в сербохорватском, а в словенском (см. [Бернштейн 1974: 211]).

¹¹ Невозможно, однако, согласиться с исследовательницей в том, что первоначально формант *et* присоединялся только к односложным основам [Тотоманова 1997: 75]. Достаточно сказать, что из семи основ на **et*, представленных в старославянском [Бернштейн 1974: 199], четыре — *козъла*, *осъла*, *овъча*, *отроча* — являются двусложными. А.-М. Тотоманова ссылается на тот факт, что при образовании имен типа *Гостята* производящая основа полных имен типа *Гостислав* сокращалась до одного слога. Однако естественно думать, что усечению подвергались не «лишние» слоги, а второй корень двукорневого имени.

¹² В древнерусском восстанавливаемая благодаря южнославянским параллелям модель **Боря – Боряте* была, судя по всему, разрушена уже в очень раннюю эпоху, дав, с одной стороны, имена типа *Борята*, широко представленные в берестяных грамотах и надписях уже в XI–XII вв., а с другой — имена типа *Боря*. Последние — возможно, в силу сугубой фамильярности, отличавшей их от социолингвистически нейтральных сербских форм на -*e*, — редко встречаются в памятниках. В берестяных грамотах находим только *Рюря* № 804 и *Нъжса* № 1029/980 (при частом *Нъжсата*), в надписях — граффито *Бора џ* в Софии Новгородской [Михеев 2010: 81]). Ср. также адаптацию имени венгерского воеводы Фильния в Галицко-Волынской летописи: *Фила древле прегордыи* [ИЛ: 736], возможно, имеющую намеренно сниженный характер.

грамоте № 46 из Старой Руссы (XIV в.) и русск. диал. *мóвлит* ‘скажет’, *мов-лістыі* словоохотливый’ [СРНГ 18: 189; Гиппиус, Зализняк, Торопова 2017: 22]. В таком случае исходное **netъlvę*, *-ęte* можно рассматривать как диминутив к субстантивированному **netъlvъ* (ср. чеш. *netluva*, польск. *nietowa* и др. [ЭССЯ 24: 164]), представляющий собой еще одну параллель к рассматриваемому имени.

Не станем закрывать глаза и на следующую сложность, с которой встречается предлагаемое прочтение. Как мы видели, имена *Неоступ* и *Неуступ* фиксируются на западно- и восточнославянских территориях, для южнославянской антропонимики они нехарактерны, как и в целом — отглагольные имена с этим корнем¹³. Препятствием к принятию нашей трактовки это служить не может. Повторим: структура надписи, содержащей дату и глагол в аористе, не оставляет, на наш взгляд, другой возможности, кроме как видеть в последовательности *неостъла* личное имя, и то, что такое имя действительно обнаруживается в древнем славянском именованье, а его исход на *-ę* оказывается морфологически закономерным, служит для нас достаточным свидетельством адекватности предложенной интерпретации. Отсутствие других южнославянских фиксаций этого антропонима может объясняться тем, что имя, в древности распространенное более широко, впоследствии вышло из употребления на славянском юге. С другой стороны, оно может свидетельствовать о происхождении носителя имени. Замечательно, что на возможный западный «след» в надписи из Черноглавцев было указано уже при первой ее публикации. М. Тихова [2002: 73–75], объясняя использование в датировке редкой памяти св. Кастора, связала ее с западноевропейской традицией почитания этого святого как покровителя каменщиков и строителей (согласно житию, пострадавшие при Диоклетиане паннонские мученики Клавдий, Касторий, Семпрониан и Никострат были скульпторами-каменотесами). По мысли исследовательницы, надпись зафиксировала обет, данный одним из строителей церкви и приуроченный, так сказать, к «профессиональному празднику» зодчих. Проникновение культа св. Кастора в Болгарию М. Тихова предположительно связала с деятельностью в стране латинской миссии во второй половине 960-х гг., оставившей свой след и в архитектуре (начальный этап строительства Большой базилики в Плиске, см.: [Георгиев, Витлянов 2001: 27–28, 188–196]). Однако западное влияние в архитектуре Болгарии имело место и в самом конце IX – начале X в. (см. [Георгиев 2002]). Носивший западнославянское имя Неоступ вполне мог быть потомком одного из мастеров — проводников этого влияния.

В заключение приведем еще раз текст надписи с предлагаемым делением на слова и новый перевод:

¹³ В словаре Ст. Илчева отыскивается только фамилия *Редкостълов*, которая, однако, оказывается калькой фамилии *Сейрекбасанов* турецкого происхождения [Илчев 1969: 423, 445].

[в]ъ лѣ ѣ ѣ ѣ [н]еостѣ
 [п]а вина отъврѣже
 (с)ѣ мѣсаца сетемъ
 (вр)ѣ тѣ сѣвѣтаго
 кастора

‘В 6463-м году, 18 сентября, в день св. Кастора, Неоступа отказался от вина’.

ИСТОЧНИКИ

- ЛЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1926. VIII+577 с.
 ИЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. 988+87+IV с.
 Friedrich — Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae / Ed. Gustav Friedrich. I: 805–1197. Prag: Typis Aloisii Wiesneri, 1904–1907, 568 p.; II: 1198–1230. Prag: Sumptibus comitorum regni Bohemiae, Typis Aloisii Wiesneri, 1912. 574 p.

СЛОВАРИ

- СРНГ 18 — Словарь русских народных говоров. Вып. 18 / гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1982. 367 с.
 ЭССЯ 24 — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 24 / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1997. 234 с.
 SSNO 4 — Słownik staropolskich nazw osobowych. T. IV. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1974–1976. 547 s.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И., Иванов В. В. (ред.)* Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М.: Наука, 1982. 436 с.
Азарх Ю. С. Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка. М.: Наука, 1984. 247 с.
Балабанов Т. Старобългарски манастир при с. Черноглавци // Известия на историческия музей Шумен. Кн. 8. 1993. С. 263–272.
Балабанов Т., Тихова М. Надписът от 18 септември 6463 г. (954/955 г.) от с. Черноглавци, Шуменско, България // Преславска книжовна школа. Т. 6. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2002. С. 58–66.
Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М.: Наука, 1974. 378 с.
Георгиев П. Базилика «Гебе клисе» и въпросът за връзките между България и Рим в края на IX век // Преславска книжовна школа. Т. 6. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2002. С. 44–57.
Георгиев П., Витлянов Ст. Архиепископията, манастир в Плиска. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2001. 236 с.
Гиппиус А. А., Зализняк А. А., Торопова Е. В. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 7–24.
Даничић Ђ. Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека. Београд: Izd. i štampa Državne štamp., 1874. VIII+400 с.
Илчев Ст. Речник на личните и фамилините имена у българите. София: БАН, 1969. 628 с.
Михеев С. М. Заметки о надписях-граффити Новгородского Софийского собора. Ч. II // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2010. № 3. С. 71–84.
Німчук В. [Рец.] С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966 // Мовознавство. 1967. № 2. С. 86–91.
Попконстантинов К. Отпечатъци в българската писмена традиция // Звучат лишь Письмена. К юбилею А. А. Мединцевой. М.: Институт археологии РАН, 2019. С. 367–397.

- Попконстантинов К., Тотоманова А.-М.* Епохата на българския цар Самуил. Език и писменост. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2014. С. 367–397.
- Соболевский А. И.* Труды по истории русского языка. Т. 1: Очерки из истории русского языка. Лекции по истории русского языка / Предисл. и коммент. В. Б. Крысько. М.: Языки славянской культуры, 2004. 712 с.
- Соболевский А. И.* Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии / Сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В. Б. Крысько. М.: Языки славянской культуры, 2006. 688 с.
- Стойков Ст.* Българска диалектология. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1993. 425 с.
- Тихова М.* Кой е свети Кастор от Черноглавския надпис от 18 септември 6463 г. (954 г./ 955 г.)? // Преславска книжовна школа. Т. 6. София, 2002. С. 67–75.
- Тотоманова А.-М.* Проблеми на имената с nt-основи в старобългарски език // *Palaeobulgarica*. 1997. Т. XXI. № 3. С. 70–77.
- Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1903. 4, II, 857 с. [Репринтное издание: М.: Языки славянских культур, 2005].
- Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Наука, 1959. 212 с.
- Cerny F., Váša P.* Moravská jména místní: výklady filologické. Brno: Nákladem Matice Moravské – Tiskem Morav. akciové knihtiskárny, 1907. 294 s.
- Gebauer J.* Historická mluvnice jazyka českého. T. I. Hláskosloví. V Praze a ve Vídni: Nákladem F. Tempského, 1894. 701 s.
- Stanislav J.* Z panónskej topografie: Noszlop – Veszprém – Tihany // *Listy filologické / Folia philologica*. 1940. Roč 67, čís 3/4. P. 357–362.
- Vasmer M.* Poln. niemowlę 'infans' // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1935. Bd. 12. S. 120.